

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА ПОСЛЕФЕВРАЛЬСКОГО ПЕРИОДА.

№ 1.

ЯКОВУ МОХНАЧЕВУ.

г. Златоуст.

Излагается от всех солдат общая радость и ликование по поводу совершившегося переворота и дарованной свободы. В других полках кое-что было из беспорядков без всякого суда арестовали некоторых офицеров и сдирали с них погоны, но у нас в окопах был порядок образцовый и на всем фронте больше порядку было в нашем полку. У нас был один ни по вкусу мы его из своей роты вышвырнули незаметным образом, а теперь приехал из лазарета старый ротный командир который идет с нами рука об руку и ни сколько ни страшно идти с ним даже в бой. Теперь Яков Васильевич надеется на Вас давайте миллионы снарядов, работайте не покладая рук, не считаясь с 8 час. днем.

В. Тараканов.

15 марта 1917 года.

№ 2.

ПАВЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЧЕСНОВУ.

Да здравствует свобода, да здравствует Новое Правительство; не поддавайтесь братцы граждане старому правительству, восставайте против них. Вспомните братцы за что наша армия пропадала и почему голодовала, теперь и на фронте стало видно, где правда наша пропадала. Держитесь тыловые братцы мы бы рады поддержали, но нас фронт задерживает — нельзя же нам спокинуть дело, чтобы немцы ездили бы на нас но теперь мы посмотрим кто немецкого врага кормит, а то они кричат „пока в России хлеб есть то нам не переест“.

Подписи нет.

128 полк 7 рота.

№ 3.

АЛЕКСЕЮ ОЖГОВУ.

Старо-Белокатайская волость.

Да здравствует свободная Россия, война до победы, будем мы теперь свободно помирать и знаем за что помрем, теперь нам смерть не страшна.

Ефим Ожегов.

№ 4.

АЛЕКСАНДРУ АКСЕНОВУ.

Д. Рычково.

Мы перешли на сторону нового правительства. сломили внутреннего врага, хотя положили жертвы. Полиции больше нет и не будут вас притеснять и обирать ваши копейки от ваших трудов, но быть может у вас эти проклятые фараоны еще ведутся, то уничтожайте их что-бы они не существовали. Мы в полку арестовали всех офицеров, которые обращались зверски, сорвали погоны, сняли с них оружие и предали суду, как державших сторону старого правительства. Дело было так: 4-го марта в 7 часов утра собрался весь полк, вместе с нами вооружились ружьями офицеры и пошли в город Галич. Один полковник хотел снять флаги но с него сняли погоны, сорвали шашку, дали в шею и предали суду нового Правительства.

Но этого мало, что мы сломили внутреннего врага, надо сломить и внешнего, с которым ведем третий год войну, он кормился нашим хлебом, обувались в наши сапоги, но теперь этого не будет только весь народ должен восстать и помочь кто чем может нашей Великой и Храброй Армии.

Подписи нет.

№ 5.

АЛЕКСАНДРУ БОГОЛЮБОВУ.

Корлыханово.

Наконец Россия сумела освободить себя от изменников, которые продали ее и продавали уже не одну сотню лет, что продали в эту войну Россию Романовы—факт не оспоримый даже австрийцы это признают. Был например такой случай. Какой-то австрияк кричит из своего окопа (окопы во многих местах сходятся шагов на 50)

„Русь, зачем нашего каптенармуса Николая прогнали, нам теперь кушать нечего.“ Действительно за последнее время это был австрийский каптенармус, державший свою армию в голоде, холоде и без снарядов, тогда как наши враги спокойно питались нашим хлебом русским. Друг Мясоедова Сухомлинов фаворит Александры и любимец Николая интендант в почете. Пулеметы у полиции, хлеб в подвалах, деньги за границей и все потому, что царь на престоле. Не стало его и как волшебством все появилось, ожил солдат, получивший и хлеб и права человека, ожил рабочий ожили мелкие чиновники и служащие, ожидая улучшения своего быта.

А. Боголюбов.

Март 1917 года.

№ 6.

НИКИФОРУ ЕФИМОВИЧУ БЫЧКОВУ.

Златоуст.

А знаешь теперь какой дух подняли во всех войсках прямо до невозможности; все так рады это черт знает что, а присягу принимали для верности службы новому правительству и свободной России все, приняли от всего сердца с великой радостью, все были довольны после присяги выдавали виноградного вина, да теперь как только большой праздник, так и выдают опять вина. При бывшем царе даже к Рождеству ничего не давали, а при новом правительстве к Благовещенью, к вербному воскресению даже давали вина, но к Пасхе уж и говорить нечего прямо в дризину напились. Теперь везде такая правильность и такой образцовый порядок прямо лучше некуда. Теперь в плен от нас солдаты не бегают—за этим следят сами солдаты: был один случай что солдат хотел перебежать в плен но его же рота открыла огонь по нему и конечно ранили, когда его притащили обратно в окопы—он прожил не долго; Начальство приказало похоронить отдельно от других, вместо креста поставили столб с надписью. „Здесь похоронен изменник Русской Свободы и Родины“.

Федор Бычков.

15 апреля 1917 года.

№ 7.

Дела наши плохи, но все-таки мы не теряем надежды и будем стоять за свою родину и свободную Россию. Буржуазия нас гнет

и гнет, надо с ней сладить, а с немцами мы легко сладим и победа всетаки будет на нашей стороне, теперь мы воюем только за себя и за своих детей и свергли этот гнет. Без победы нам нельзя и домой вернуться только вот в тылу засели богачи, их надо гнать, война будет продолжаться до тех пор, пока не победим, а немец против нас всетаки не устоит.

А. Колышев.

79 Сибирский Стрелковый полк.

№ 8.

Россия сбросила с себя гнет старого деспота Николая II-го и его.... Как радостно жить. Скорее бы мир. Я против девизов. „Долой войну“ и „Война до победного конца“... Нужно найти чтонибудь среднее.

Ф. И. К.

22 апреля 1917 года.

№ 9.

ЕКАТЕРИНЕ ВЛАДИМИРОВОЙ.

Д. Корюшино.

Теперь мы ожидаем мира, больше не захотим крови проливать, довольно. У нас и так Польша облита кровью и земля наполнена трупами. Очень плохо стало жить, Россия обеднела. Нам стало жить свободно, а почему мы не хотим продолжать войну, потому, что наш царь Николай продавал нас. Сколько наши брали германцев в плен, а они обратно все в Германии, попадают по другому и третьему разу к нам в плен.

Сын Кузьма.

№ 10.

ЛУКЕ ВАСИЛЬЕВИЧУ ВЕЛЬДЯКСИНУ.

Уфа.

Мы всеми силами стараемся защитить новое правительство но о нас не заботятся в тылу, а только заботятся о своем улучшении в жизни, а наш брат вся армия как она там чахла и мерла с голоду, так и осталась ничем не удовлетворенная и неблагоустроена. У вас в тылу только хлопчут о процентах, а армия несчастная как по-

лучала 75 коп. в месяц, так и осталась при этом. Как мы сидели в сырых окопах по колено в воде, так и остались сидеть за те же 75 коп. да половину нас больных и убогих. А у нас в тылу есть еще хорошие молодцы, которые еще не бывали и не видали, какие есть окопы.

Теперь крестный скажу про свой корпус. Мы сидим вот уже год и никто не желает нас сменить. Наш корпус весь заболел от сырости и недоедания, а в тылу такие лбы, что нас на одного ему нужно 5 стрелков. Пожалуйста похлопочите о нас и не забудьте нас в сырых окопах, пришлите смены для нас.

Крестник И. И. Рудаков.

Май 1917 г.

№ 11.

МАТРЕНЕ НИКИФОРОВНЕ ХОБОВОЙ.

Жизнь складывается очень скверная, хлеба опять не хватает как и в 1905 году, пища прескверная. Новое правительство вместо того, чтобы улучшить жизнь солдата, дать ему, а оно отняло у него.

Яков Хоботов.

7 мая.

№ 12.

ИОСИФУ РИВКИНДУ.

Г. Бирск.

Вы скажете, что солдату ничего не нужно, это неправда. Приехал я в Оренбург весь грязный и измученный. Прошусь в баню, мне отвечают, если у тебя есть деньги то можешь идти, а мы тебе выдадим деньги, когда прослужишь месяц. Сахару выдают три куска в день, чай свой. Утром к чаю дают хлеб черный из непросянной муки, которым свиней кормят. Обед состоит из двух блюд. первое блюдо соленая рыба, разваренная в чем то мне неизвестном, чего нельзя взять в рот. Второе блюдо каша с сором вместо масла. Конечно приходится голодать, ужин состоит из одной вонючей рыбы. Едим мы все из одного таза, словом солдату живется не особенно то хорошо при свободе.

Б. Ривкинд.

Оренбург 238 пех зап. полк.

Май 1917 г.

№ 13.

АЛЕКСАНДРУ СОБОЛЕВУ.

Г. Балашов.

У нас офицеры плохо к нам относятся а больше к старому режиму придерживаются.

Егор Соболев.

329 Бузулукский полк 6 рота.

№ 14.

Г. М. ШЕРСТОПЕРОВУ.

Уфа.

Да стало опять старое, свобода отнята, власть офицерам возвращена, одним словом возвратилось старое, а когда будет мир, то и все старое возвратится, так говорят все, а у нас товарищи дали слово биться до последней капли крови и не допустить этого.

Василий Александров.

329 Бузулукский полк команда разведчиков.

№ 15.

САВЕЛИЮ ЯКОВЛЕВИЧУ ШАБЛЕВУ.

Уфа 144 зап. пех. полк 2 взвод.

Каждый солдат кричит долой войну, на фронте солдаты каждый день сходятся с германцами, стрельбы нет. Солдаты не хотят на работы итти никуда, офицеров никаких не почитают, каждый кричит—дай мир и больше ничего.

Д. Я. Шаблев.

23 Гренадерский полк 7 рота 1 взвод.

21 мая.

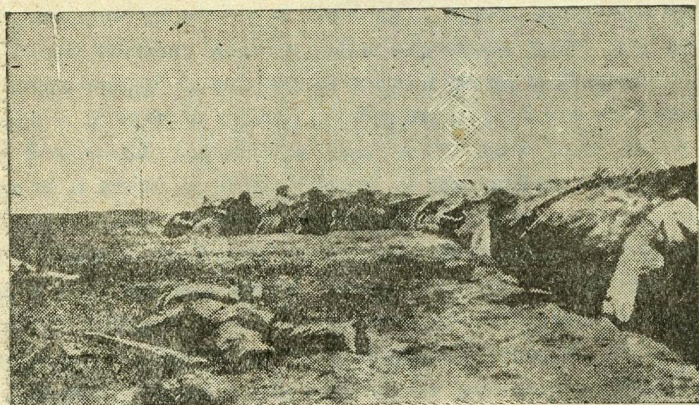
№ 16.

У нас более 100 человек ушли в плен. Мы двое, я и Попов украинский ходили в 12 часов дня и он нам ничего не сказал, что оставайтесь. Дал нам полторы баклажки рому, 60 папирос, мы ему

ФРОНТ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Митинг на фронте.

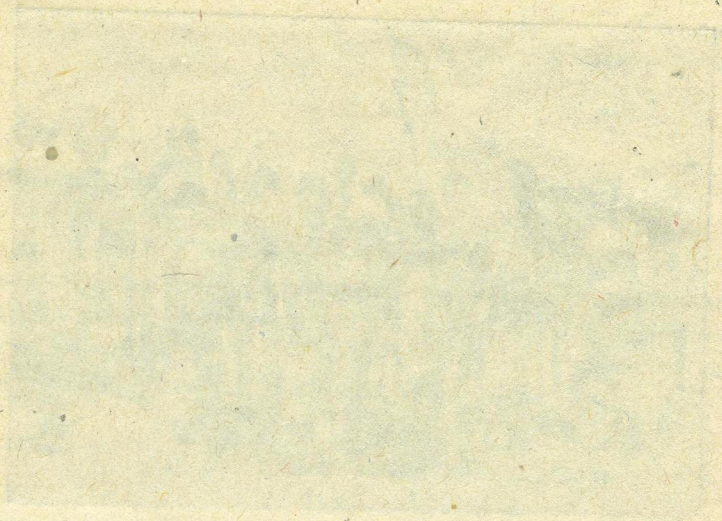
На передовых позициях.

Где желавшие воевать солдаты заменены казаками.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

1900-1901

RECEIVED AT THE UNIVERSITY OF CHICAGO
JANUARY 10 1901

носили буханку хлеба, он не взял и говорит: „Белее едим“. Вот братцы, пришлось побывать у врага, они лучше нас и умнее, тоже так страдают как и мы у говорят: „Мир надо“.

Подписи нет.

№ 17.

А. И. КРУЧИНИНУ.

Уфа.

На фронте весь 1-й день пасхи была тишина, повидимому как нашим, так и австриякам и немцам было запрещено стрелять. Наши солдаты с передней линии ходили к неприятелю с визитом, напились там изрядно и кроме того принесли с собою в окопы по 2 бутылки рому. Немцы смеются почему говорят, вы сменили нашего каптенармуса Николая, он нас очень хорошо кормил в то время, когда вы кушали сухари и кукурузу.

А. Кручинин.

№ 18.

Н. Н. АНТОНОВУ.

Уфа.

На нашем Карпатском фронте сейчас тишина, стрельбы нет с самой пасхи. Все живем мирно с немцами, ходим друг к другу. Они говорят довольно стрелять и бить друг друга, напрасно кровь проливать, скоро говорят должен быть мир и мы ждем его со дня на день. Теперь скажу я, что когда писали наши в газетах, что заморим немца с голоду, а вышло наоборот, у него так не страдают на позиции без хлеба, как сейчас мы, а он дает нам хлеба, табаку, поит вином и всего у него хватит, а мы сейчас получаем очень мало. Ходим часто босые и оборваны, холодны и голодны. У нас бывают собрания, выбраны депутаты, обсуждают улучшить жизнь солдата, а главное закончить войну во что бы то не стало и о смене нас с позиции. Если не будет в скором времени миру и смене с позиции, то берем ружья и бросаем позицию в полном боевом снаряжении, будем требовать чтобы заключили мир.

Григорьев.

313 Балашовский пех. полк 2 рота 3 взвод.

7 мая 1917 года.

МАРИИ ЕФИМОВНЕ МЕЛЬНИКОВОЙ.

Д. Чесноковка.

Живем не в печали, а маленько обрадовало в том, что германцы нам каждый день передают прокламации, листочки которые вам посылаю в письме, просят они нас заключить мир и мы в Пасху в первый день и второй ходили к ним и они нам дали кусок калача и бутылку вина, наши солдаты ходили к ним в первый день пасхи и там ночевали, а на другой день пришли и принесли 2 бутылки вина, это нас очень обрадовало. И говорят, что наши депутаты которые выбраны нами уехали в Петроград насчет мира не даст ли Господь с Вами увидаться и опять пожить, в Пасху мы выйдем на окопы на верх и пляшем, играем в гармонию и балалайку, а германцы на нас глядят, мы с ними друг от друга только сажены на сотню, и эту прокламацию ¹⁾ самый листок дайте почитать грамотным людям.

Подписи нет.

¹⁾ Приложенная к письму немецкая прокламация:

Товарищи.

В декабре 1916 года германский император добровольно предложил Вам мир. Никто его не принуждал. Он говорил о мире искренно, желая сократить страдания несчастных народов истерзанных войной. Теперь мы избрали себе новое правительство. Можно ли допустить мысль о том, чтобы наш император желает снова возвести на престол Вашего бывшего царя. Ведь это было бы нелепо в высшей степени.

У нас никто, положительно никто и не думает вмешиваться в Ваши внутренние дела. Нет никакой надобности защищать от нас Ваш новый государственный строй и Вашу свободу.—Германия всенародно и торжественно провозгласила, что не будет посягать на свободу обновленной России. Для свободного русского народа, взявшего в собственные руки решение судьбы своей, не может быть препятствий заключить с нами честный мир. Как бы сильна не была Германия, она никогда не воспользуется вашей внутренней борьбой для того, чтобы перейти к наступлению на восточном фронте. Германия готова заключить мир хотя она в нем не нуждается. Спокойно она будет ждать согласится ли свободная обновленная Россия вступить с нами в мирные переговоры в дни Светлого праздника Воскресения Христова.

В фонде Военно-цензурной комиссии сохранилось несколько десятков немецких прокламаций и листовок, относящихся к 1914, 15, 16 и 17 годам.

БРАТАНИЕ НА ФРОНТЕ

37-я пехотная дивизия и Австрийская кавалерийская дивизия.

Печатается с фотографии из коллекции участника мировой войны
т. Бессонова.

БРАТАНИЕ НА ФРОНТЕ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

Солдаты 145-го Царицинского полка и 28-го Австрийского кавалерийского полка.

Печатается с фотографии из коллекции участника мировой войны т. Бессонова.

№ 20.

ВИНИДЕЮ ФЕДОРОВИЧУ ЧУМАНУ.

Оренбург 104 полк 12 рота.

Наши и немецкие солдаты сходятся вместе и разговаривают. На Пасху наши солдаты ездили на автомобиле к немцам в Штаб полка и там были три дня, наши и немцы часто сходятся вместе, человек по 40 и разговаривают. — От Пасхи до 15 апреля немцы не стреляли, а наша батарея била по немцам. Мы видели, как немцы из батарей стреляли по своему резерву, предполагаем, что и у немца идут забастовки, но о мире ничего не слышно. Думаем скоро должны окончить войну.

А. М. Д.

3 мая

№ 21.

ЕВДОКИИ НЕНЗИНОЙ.

Уфа.

Вчера было собрание, где обсуждали о войне и мире, все солдаты кричали долой войну, так что скоро должен быть мир.

Подписи нет.

Май 1917.

№ 22.

ИВАНУ ЯКОВЛЕВИЧУ КОЗЛОВУ.

Оренбург.

Мы здесь просим мира, не идем в окопы, а которые в тылу, кричат вести войну до победоносного конца, им хорошо чужими руками жар загребать, а нам война надоела, мы узнали, где раки зимуют. В наш полк добавили 200 человек, которые почти все разбежались, осталось всего восемь человек.

Я. Козлов.

28 мая.

№ 23.

ИВАНУ АНДРЕЕВИЧУ БУЧЕНЕВУ.

Нижи. Гумбет.

К нам приезжал командующий армии и говорил, во что бы то ни стало выгнать врага со своей земли, а солдаты закричали: Вам война, как мать родная, только карманы набиваете, а мы с голоду

умираем, если до зимы не заключите мир, то мы все уходим с фронта. Он рассердился и скоро уехал, его хотели застрелить.

Подписи нет.

6 мая 1917 г.

№ 24.

ИВАНУ АНДРЕЕВИЧУ ВЕДЕНЕВУ.

Оренбург 104 пехотный полк.

Мы прогнали командира полка, батальонного и пять офицеров сами выбрали полкового командира. Когда мы после поверки, стали прогонять командира полка, он сел на коня и стал стрелять в нас, в это время весь полк вооружился и стал стрелять в командира полка, он успел уехать. Некоторые офицеры взялись за пулеметы и хотели стрелять в нас, но солдаты этого не допустили.

А. Веденев.

14 мая 1917 г.

№ 25.

ВАСИЛИЮ МИХАИЛОВИЧУ ЛАСЬКОВУ.

Оренбург.

Идут большие бунты, наши полки отказываются идти на позицию из нашего полка выступили только три роты, остальные запротестовали, а 8-й полк отказался в полном составе.

Подписи нет.

17 мая.

№ 26.

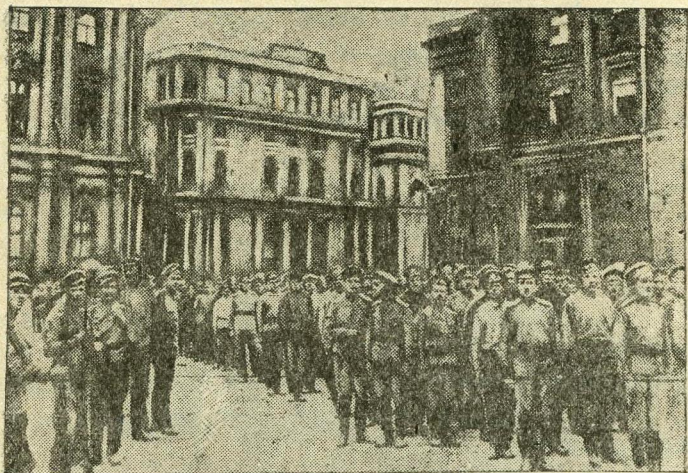
АЛЕКСАНДРУ СЕМЕНОВИЧУ ИВАНОВУ.

У нас свершилось великое дело, 17-го мая арестовали Генерала подбили ему глаза, сорвали генеральские погоны, заперли в одиночную комнату и поставили часовых, в этот же день арестовали полковника за неправильное отдавание приказа, все были сердитые, ходили с ружьями и кричали разобьем весь Штаб Дивизии. Вечером на общем собрании обсуждался вопрос о происшествии дня, во всем обвинили трех офицеров. По окончании собрания все разошлись, дорогой солдаты сбросили, одного офицера с моста в воду, остался он жив или нет пока неизвестно.

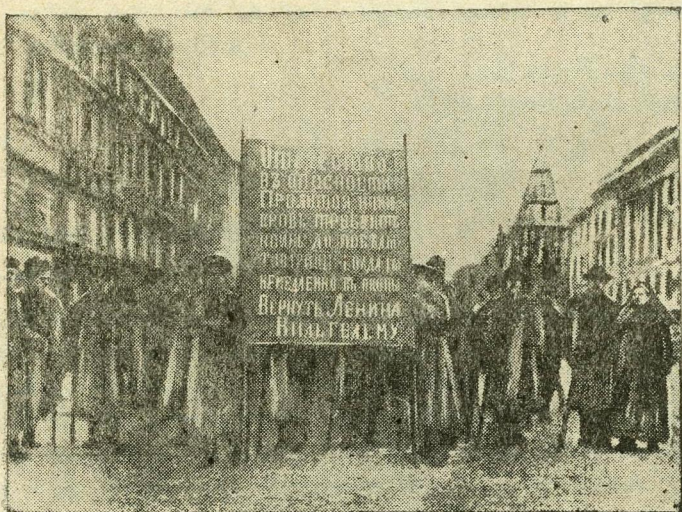
Сашка.

20 мая.

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ В ПЕТРОГРАДЕ.

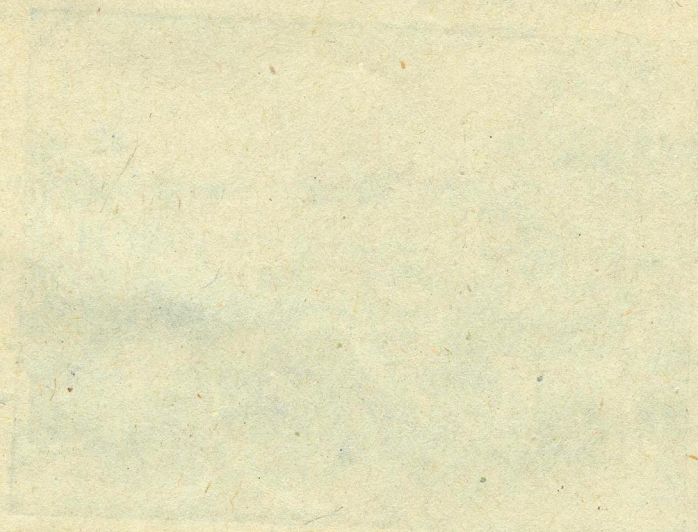
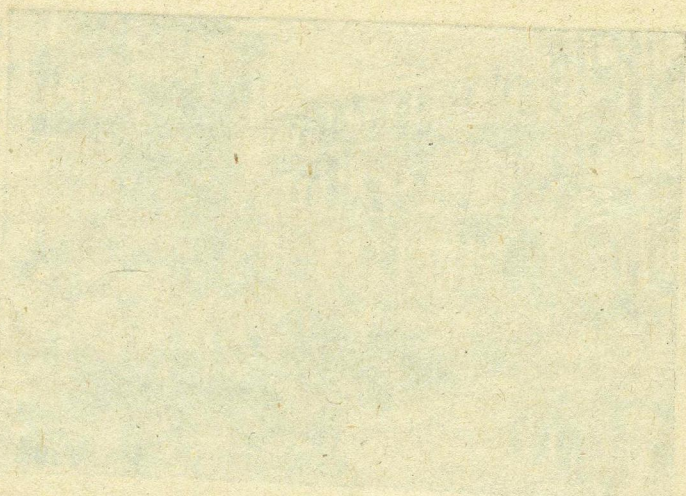

Арестованные за демонстрацию против войны солдаты
1-го пулеметного полка.

Организованная Вр. Правительством патриотическая демонстрация инвалидов—сплошь состоящая из представителей цензовой России.

NOTICE OF THE JUDICIAL

№ 27.

ИВАНУ КУЗЬМИЧУ ВЕЛЬКИНУ.

д. Александровка.

У нас идет смута, офицера приказывают наступать, а солдаты отказываются и говорят давайте нам скорее мир. Было два приказа о наступлении но солдаты отказались. Приезжал к нам Главнокомандующий армии и Генерал Брусилов и сказал: „Товарищи, почему не желаете приказа исполнять, отказываетесь наступать“, а солдаты закричали „разве тебе охота наступать“ и ругали его площадными словами и даже хотели убить. У нас большие беспорядки, офицеров арестуют.

Михаил Борисов.

20 июля.

№ 28.

Наша дивизия порешила не ходить в наступление, а то мы потеряем свободу и опять буржуи возьмут нас в свои руки. Не мы войну начинаем, мы не хотим этого, а хотели войны наши цари да богачи и только нужно бить царей да богачей.

Иван Лапшин.

19 июня.

№ 29.

Наступления не будет. Сперва будем наступать на буржуазию, на тех людей, которые держат старый режим и которые кричат войну до победного конца.

Пав. Кочемасов.

219 Котельнический полк.

12 июля.

№ 30.

ТРОФИМУ СЫСОИЧУ НЕМУХИНУ.

Ст. Ильмень.

А у нас в Петрограде говорят, временное правительство Гучков и Милюков хотят войну вести до победного конца и разбить Германию и взять Дарденеллу и Константинополь но мы им говорим, если хотите разбить Германию и взять Дарденеллы и другие города, то пожалуйста идите и берите, а мы друг друга избивать не хотим и отбивать тоже и вот если Гучков и Милюков не хотят исполнять наши приказания, то враз штык в горло. Вы думаете кому эта бойня

мила, кому она выгодна, она выгодна купцам, помещикам, капиталистам, они за войну карманы набили, а мы остальную копейку истратили. Вот теперь мы взяли в руки все и делаем как нам нужно, а не как богачам. Вот они и хотят свое вернуть, им жалко с земель растатся. Они свое, а мы свое и здесь идет такой переворот.

№ 31.

ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ БОГОДУХОВУ.

Уфа. 103 рап. полк 15 рота.

Как у Вас там решили насчет земли. Мы у себя в полку решили вопрос насчет земли таким образом: мы постановили отобрать землю у всех помещиков, купцов и сколько есть государственной земли чтобы и ее отобрать и разделить всем по ровну. Вопрос еще идет о том, как делить землю. Сейчас ли или весной 1918 года, по окончании войны. Сейчас будут делить землю без нас и потому многие и уходят самовольно из частей. Может лучше было бы подождать до окончания войны, но так как эта канитель кажется никогда не кончится, так мы всю надежду полагаем на Советы рабочих и солдатских депутатов, которые наконец найдут выход из этой путаницы и сумеют довести ее до столь ожидаемого всеми солдатами мира, они наши люди, не царские ставленники-чиновники; они знают чего желает и что есть в сердце каждого солдата.

Федор Иванович Богодухов.

66 Стрелковый Сибирский полк.

август 1917 г.

Солдатские стихи и песни.

Свое настроение солдат передавал не только в письмах к родным не только устно делился несчастьем с товарищами, но изливал его в песнях и стихах, подчас очень художественных, а подчас корявых—но в том и другом случае одинаково искренних.

В стихах солдат негодовал на бесчеловечный режим армейской службы, возмущался солдатским бесправием, протестовал против „прогорклых щей“, высмеивал Российские порядки и проклинал „толстопузых губощлепов“. Песни и стихотворения содержали и прямой призыв к бунту, к восстанию:

„ах ты бедный, ты бедный солдатик,
ты не плач по ночам втихомолку,
понапрасну слез горьких не лей
брось присягу, возмись за винтовку
и начальство свое перебей“.

Песни переписывались, переносились из роты в роту, из одной части в другую, посылались в письмах домой и таким образом делались общим достоянием. Конкретного автора определить зачастую совершенно невозможно.

Часть таких солдатских стихов и песен, сохранившихся в делах Казанской военно-цензурной Комиссии, мы и приводим в нашем сборнике.

№ 1.

Нашей милой цензуре.

Благодетели, радетели
Отчизны дорогой,
Вы бросьте ваши бредни
О злом моем письме.
Кто хочет сделать дело,
Иным путем пойдет,
Минуя учреждение,
Рожденное войной.

Чертите и служите,
Ведь кушать все хотят,
Но писем не держите,
На то и права нет.

Никольский (из действующей армии)

№ 2.

Жизнь солдата.

Хорошо Вам быть на воле,
Слушать ласковы слова,
 Посидели-б вы в окопе,
 Испытали-б то что я,
У вас славные квартиры,
У всех важных, у господ,
 У нас раскрытые окопы;
 Снег и дождик в них идет.
Мы сидим в открытых ямах,
И на нас дождик моросит.
 А в окопах сыро грязно,
 От стужи все нутро дрожит.
Вы сыты и одеты
И веселье кругом.
 Нас кусают паразиты
 И мы здорово их бьем.
Вдруг послышится команда,
В атаку живо вылезай.
 И засыплют пулеметы,
 Эх прощай весь свет, прощай,
Там несется плач, рыданье,
Как на море волн прибой.
 Проливают много крови люди братья
 Всюду враждуя меж собой.
Там погибнут чудные стремленья
Безвинно страждущих людей.
 Там царит насильство, преступленья,
 И не смолкают грохоты орудий.
Сколько горя и опасности,
Терпит русский наш солдат,
 Повинуясь всякой власти,
 Часто жизни он не рад.

Не доевши, не допивши,
И в дырявых сапогах.
Много время не раздевши,
И все сутки на ногах.
Одному его все учат,
Как с врагами воевать.
И с родной семьей разлучат,
Долго дома не бывать
Будто малого ребенка
Учат снова нас ходить:
То направо то налево
То повернут нас кругом.
А ходить велят все бодро,
Да нередко и бегом
На плечах таскай винтовку,
С гранированным штыком.
И всегда работай ловко,
А то ругают дураком,
Под небесным чистым сводом
Трепещет: холод, дождь и зной.
И солдат скрываясь в ямах,
На земле сидит сырой,
Пищи часто нехватка
Чай не каждый день попьем
Постель рваная палатка,
Да и то ведь не уснем.
Вши военные кусают,
Да и холод по ногам,
И нередко заставляют
Нас подраться со врагом.
Жизнь опасная солдата,
Бейся ночью, бейся днем.
Прилетит к тебе граната.
И уложит вечным сном.
И спаси Господь как ранит,
Руку ногу оторвет,
То уж просят эти сами.
Пусть скорее хоть убьет...

В письме Алексея Григорьевича Юдина.
284 полк Пулеметная команда.

Царская служба.

Ах ты бедный ты бедный солдатик,
 Ты на службу пошел с юных лет.
 Не легка брат солдатская служба
 Много вынесешь горя и бед.
 Угонят тебя в край далекий.
 Далеко от родной стороны
 И служишь в бригаде Стрелковой,
 На границе Германской земли.
 Гоняют тебя как собаку,
 От утра и до темных часов,
 Так всю службу прослужишь
 Не услышишь ты ласковых слов.
 Будет взводный тебя бить по морде,
 И фельдфебель ногою топтать,
 Через них ты пойдешь в дисциплинарный,
 Чтоб тюремную жизнь испытать.
 В батальон ты ногою наступишь
 Будет дикость тебя томить,
 А потом все пойдет чередою
 И ты будешь как прочие жить.
 Будешь есть там горячую пищу
 И не будешь разувши ходить,
 А за это в награду начальство
 Из тебя будет кровь твою пить.
 Через них ты получишь чахотку,
 В лазарете ты будешь лежать
 И на волю ты будешь смотреть
 Через решетку жену вспоминать,
 Молодой ты жены не увидишь,
 Не увидишь ты край свой родной.
 Тебя товарищ снесут на кладбище
 И заруют сырою землей,
 Ждет напрасно старая мать,
 Скоро, скоро вернется домой.
 Нет не жди дорогая,
 Спит спокойно в могиле сырой.

Германско-русский бой

Не представил нам снарядов
Сухомлинов генерал.

Он нажился в министерствах,
Много роскоши узнал,

Он изменник наш проклятый
Вновь Карпаты немцам сдал.

А его товарищ верный,
Мясоедов жил в штабах,

Он все время был шпионом
Для Германии у нас.

Первый раз предал Варшаву,
Там был немец генерал,

Он набил свои карманы,
Не простился и удрал.

У нас крепость небольшая,
Под названьем Осовец,

Она долго отбивалась,
Командир был молодец.

Понадеялась Россия,
На Брест-Литовские форты,

Но через три дня услышали,
Что без боя все сданы.

Дым кругом, горит Россия,
Немец крепко нажимал

Мирный житель со слезами
В глубь России уезжал.

Что же братцы будет дальше,
Плачут матери, отцы,

Стонут жены, стонут дети,
Что нейдут домой бойцы.

Раньше думали про Берлин,
А теперь нельзя мечтать,

Будем думать про Варшаву,
Как у немца отобрать.

Вспомним братцы про французов,
Когда были уж в Москве

Но Кутузов был не немец,
Измен не было нигде...

Раньше не было у нас сестер,
Но лечили все равно,
Попроси солдат напиться,
Кричит „дело не мое“...
Капитан идет с сестрою,
Да и поп себе нашел.
Генерал идет под руку,
Кричит шофферу: „пошел“...
Уж кому из нас придется
Возвратиться нам домой,
Всякий воин Вам расскажет
Про германско-русский бой..

№ 5.

Битва.

Когда Варшаву мы сдавали
Битва страшная была,
Пули жалобно там пели
От гранат тряслась земля;
Наши унтер-офицеры
Руководствовали полками
А господа то офицеры
Пили водку за буграми,
Пили разные мадеры
Спирт возили на заказ,
А нам измученным солдатам
Пустые бочки на показ.
Наши славные генералы
Все чертили нам планы
В Белостоке в ресторане,
Позанявши все столы.
А сестрички, как лисички,
С крестом красным на груди,
Высоко подняли юбки
И бежали впереди.

Иван Егоров (в письме А. А. Степанову.)

№ 6.

Напишу тебе сказочку от делать нечего.

У царя царей
Много было денег и людей

Стал он думать и гадать
Как побольше гор набрать
Много гор они набрали,
А людей не посчитали,
Когда народу подсчитали
И горы не надо стало.
Хотя людей и потеряли,
Но ведь их не покупали.
А когда снарядов стало не хватать,
То ведь их пришлось покупать.
Когда снарядов не хватало.
Тогда Варшава в руках немцев стала.
Пропали горы и поля
И не засеяна земля.
Не надо нам землю,
Бог даст снегу,
Бог даст и землю.
Бог дал снегу,
но не дал землю
И не дал свету
и не дал тепла,
Но потом стали замерзать
Еще стали дальше отступать
Чем стали дальше гнать
Стали Россию пожирать

В письме Архипову Федору Ивановичу.
Златоуст, ряд. штаба 4-го Государ. ополчения.

№ 7.

Эх, жизнь наша не легкая.

От капусты кислой,
от прогорклых щей
Грустно и тоскливо
на душе моей
А в котле навару
нет уже следа
Знать на кошевара
подошла беда
Хлеба не хватает
нет уже крупы

У солдатов морды
стали уж тупы.

Всюду нас ругают
старшие бранят

Без толку гоняют
будто грешных в ад.

Польская картошка
в животе поет

То мяучит кошкой,
то козлом поет.

А поляк хозяин
все в карман глядит,

За пустяк картошки
шкуру снять хочет.

Доктор медицины
стал такой герой,

Пер(е)колол нам спины
и поднялся вой.

А душа изныла
об семье родной,

Домой не пускают
хоть ты волком вой.

Вот так положение
подошло для нас,

Это на утешение
написал для вас.

1916 г. В письме Капитону Махайловичу Васину, от сына.

№ 8.

Если каши нам дадут,
То не верьте—все не жрут,

Если будут ее жрать,

Нужно в воду помакать.

Я душой бы с'ел комлошки,

А там масла нет ни крошки,

А нам сала не дают

Все в России крючки жрут.

А в России! тот крючек

Поплетется на толчек,

А когда пойдет обратно

Он несет в кармане клад:

Кто пятитку, кто десятку,
Это просто ему в лад
И прокормит он жененку
И корову за пятак.

№ 9.

Бывало в дни ненастные
В окопах я лежал,
С простреленной шинелью
Голодный я дрожал
Голодный, а нам хлеба не дают
Коли ротному доложишь по морде быют.

Аэропланы днем летают,
Ночь прожектором светят,
А нам бедным пехотинцам
Не дают и отдохнуть
То в секрет нас назначают,
То в разведку выступать,
То под проволоку колючу
Заграждение прорезать

А как кончится сражение
Нас погонят на ученье
Там гоняют нас и быют...

В письме Андрею Молчанову в г. Покровске.

№ 10.

Замучил нас селедкин и сухой Воблин, даже на новый год они
заявились. Замучились мы от таких товарищей. На счет Хлебникова
плохо, Ивана Ложкина спросишь: „Когда обедать садишься“. Лож-
кин говорит, что со мной делать, когда Хлебникова нет. Когда за-
спорят Селедкин с сухой воблой, кто из них чище, то господин
Чечевицин говорит: „Оба вы хороши, если бы не я, а то я у вас
дело смешаю“.

№ 11.

Бедного солдата на кладбище несут,
К его бедной могилке родные не придут
И цветов на могиле слезой не обольют.
Только летней порой
Да поздней зарей,
Запоет на могилке певец соловей.

Паны и дворяне справляют вечера,
А бедный сын солдатки не жрал с позавчера.
Ты солдат защищай добро богачей,
А они черти гуляют до поздних ночей.
Дворянки там за чаем поднимают кверху нос.
А солдатские жены косят пшеницу и овес.
В письме Прохору Дмитриевичу Дмитриеву г. Уфа.

№ 12

Да за чтоже берут нас в солдаты
И везут на чужбину страдать,
Выдают нам гранаты, винтовки
Заставляют народ убивать,
Разобьем какойнибудь город
Кровью алою землю польем...
Покалечат нам ноги иль руки
Многие в землю уйдут
И за эти тяжкие муки,
Знак или орден дадут
Эх ты бедный ты бедный солдатик
Ты не плачь по ночам втихомолку
Понапрасну слез горьких не лей,
Брось присягу,
Возьмись за винтовку
И начальство свое перебей.
В письме Анне Яковлевне Житковой.

Стихотворения тыла.

№ 13.

Забытая деревня.

Мирное собрание разогнал квартальный...
И передавая этот факт печальный,
Скромный обыватель терпеливо судит:
„Дума все узнает, Дума все рассудит;
Пусть для нас порядки старые не сладки:
Дума нам уставит новые порядки..
Надо все с терпеньем выносить без шуму,
Уповать с надеждой надо лишь на Думу“.—
Хлопнул губернатор мирную газету,
Говорит редактор, весть услышав эту:

„Ну и чтож потерпим—скоро лучше будет;
Дума все узнает, Дума все рассудит,
Дума перед властью выступит с вопросом,
И наверно будет губернатор с носом...
А пока скромненько, без большого шуму
Будем все надежды возлагать на Думу“.
Распустили Думу... Поднял нос квартальный...
Бродит обыватель грустный и печальный,
Ждет опять погоды и сидит у моря:
—Негде даже выпить от тоски и горя.
Зато редактор в неприступном месте¹⁾
Только губернатор все на том же месте
И весьма резонно и разумно будет:
„Так бывало прежде, так и дальше будет“.

1915 г.

Н. Н. Ветлужский.

№ 14.

Привет и массу пожеланий
Простите долго не писал
Все время нет я так устал,
Днем дела мало, ночью-горы
Работаем мы точно воры
Все больше по ночам.
Питаемся иной раз редькой,
Но все ж любя родину нашу
Едим мы больше щи да кашу.
Ну и жизнь одна потеха
Коль разорвешь там и прореха—
Горе нечем починить,
Как же дальше будем жить.
Ну купцы ну патриоты | сволочь
Просто стыд один
Мало видишь барыша,
Обобрать до нагиша
Хотят русский весь народ.
Какой нибудь урод
Толстопузый губошлеп
На всю улицу орет.

¹⁾ Крепость-тюрьма.

Я дескать чистый патриот
Отдал тысячу рублей
На парадную войну,
А спросишь где он их взял
У сирот бедных отнял.
Было это и в старину
Брались люди за дубину,
На дорогу выходили
И сначала убивали,
А потом уж обирали.
Ведь тех людей ловили
На площади казнили,
А сейчас вот в наши дни
Патриоты де они.
Эх такому бы вот хаму
Пулю в лоб да к черту в яму.
Весь товар он поприпрячет
И сидит проклятый плачет.
Как де мне не горевать
Нечем просто торговать.
Нет их штрафом не пронять
Уши, ноздри надо рвать
И в Сибирь потом сослать.
И поверьте, что не мало
На Руси товаруб стало.

В письме Варваре Дмитриевне Слесаревой.

1916 г.
